

ЛИНГВИСТИКА И «НЕЛИНГВИСТИКА»: КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МЕНЯЕТ ГРАНИЦЫ

7 ноября 2019 г. в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина прошел круглый стол «Лингвистика и «нелингвистика»: как междисциплинарность меняет границы», организованный в партнерстве с Институтом языкознания Российской академии наук.

Главными организаторами и идейными вдохновителями мероприятия выступили профессор Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина Н.Г. Брагина и ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН М.Л. Ковшова.

С докладами выступили В.М. Алпатов, Е.Л. Березович, В.З. Демьянков, О.К. Ирисханова, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, А.В. Кирилина, М.Л. Ковшова, М.А. Кронгауз, М.А. Осадчий, В.И. Постовалова, А.В. Циммерлинг, А.Д. Шмелев.

В центре внимания находились проблемы определения внешних и внутренних границ лингвистики, критериев научности лингвистического знания, места лингвистики в системе гуманитарных наук в условиях развития междисциплинарности, осмысление опыта и перспектив интегративных исследований на стыке лингвистики с различными областями знаний.

Названия выступлений участников свидетельствовали об актуальности и дискуссионности заявленной проблематики. Все доклады вызвали вопросы и оживленную дискуссию, подчас не менее интересную, чем сами выступления.

На мероприятии присутствовали многие известные лингвисты: И.И. Валуйцева, И.Т. Вепрева, Е.Е. Голубкова, Д.Б. Гудков, Т.В. Ицкович, И.В. Нечаева, С.Е. Никитина, Л.В. Селезнева, И.А. Шаронов, Л.Л. Шестакова. В обсуждении прозвучавших выступлений приняли участие А.В. Вдовиченко, А.В. Егорова, И.М. Кобозева, К.Г. Красухин, А. Мустайоки, О.И. Северская. Многие комментарии участников дискуссии, глубокие и содержательные, заслуживают отдельного осмысления.

В.М. Алпатов («Границы лингвистики в разные эпохи») в своем диахроническом очерке показал, что вопрос об ограничении предмета науки о языке, обусловленный многообразием связанных с языком явлений, в разные периоды решался по-разному.

В античности языком занимались философия, грамматика и риторика, в Новое время – философия и филология, наука о древних текстах. В XIX в. лингвистика связывалась преимущественно со сравнительно-исторической парадигмой. Фердинанд де Соссюр расширил границы лингвистики, установив приоритет синхронии, но одновременно сузил их при разграничении языка и речи, внутренней и внешней лингвистики.

Структуралисты, стремившиеся сделать лингвистику точной наукой, считали, что «язык моделируется сугубо функционально», вне

связи «с психологической реальностью... речевого поведения» (И.А. Мельчук).

Связь лингвистики и психологии вновь устанавливается в парадигме Н. Хомского. Но владеющий языковой компетенцией человек у Хомского обособлен от других людей и от условий коммуникации. Эти вопросы исключаются из актуальных областей исследований.

Современная лингвистика вообще стремится снять всякие ограничения. А.Е. Кибрик писал: «То, что не считается лингвистикой на одном этапе, включается в нее на следующем». Расширение рамок науки – позитивный процесс, но лингвистика не может покрыть всю гуманитарную проблематику, а склонность к экспансии такого рода заметна.

По мнению А.Д. Шмелева («Можно ли говорить о внешних и внутренних границах лингвистики?»), вопрос о границах лингвистики интересен скорее чиновникам, определяющим номенклатуру научных специальностей. Важнее различия между хорошими и плохими лингвистическими работами. В последних часто неумело используются методы других наук. С развитием корпусных технологий настоящим бичом стало использование псевдостатистических выкладок.

«Я сторонник представления, в соответствии с которым интересы разных лингвистов не совпадают. Применимость методов и достижений других наук зависит от предмета исследования. В лингвистике применяются методы чуть ли не всех других дисциплин».

Часто выход за пределы лингвистики необходим для решения лингвистических задач – например, лексикографических. С другой стороны, лингвистические достижения используются в других дисциплинах: «Языковедение – лопата для историка» (В. Иллич-Свитыч).

Границ лингвистики никогда не существовало, просто разные лингвистические школы или направления каким-то образом ограничивали свой интерес. Я не вижу увеличения междисциплинарности. Увеличивается количество слов, которыми люди обозначают свои занятия.

О.К. Ирисханова («Когнитивная лингвистика: междисциплинарность подлинная или мнимая?») обратила внимание аудитории на то, что с междисциплинарностью как неотъемлемой чертой современной науки связан ряд противоречий: 1) междисциплинарные сообщества состоят из «монодисциплинарных» индивидов; 2) интеграция областей не отменяет сосуществования разных терминов и даже альтернативных терминосистем; 3) применение

нескольких методов и процедур не гарантирует более полного решения проблемы.

«Когнитивная наука считается показательным примером интегрированных изысканий. Есть немало успешных проектов, в которых задействованы целые команды исследователей: лингвисты, нейролингвисты, медики, психологи. Тем не менее все чаще говорят о кризисе когнитивной лингвистики и вообще когнитивистики. Отмечается, что тотальная когнитивная междисциплинарность – это утопия».

Важным представляется разграничение междисциплинарности (предполагает слияние дисциплин) и мультидисциплинарности (сохраняет их независимость при заимствовании некоторых методов). Когнитивная наука приближается ко второму варианту. Междисциплинарность не самоцель, а способ организации научных исследований для решения конкретных комплексных проблем в междисциплинарных командах.

А.В. Циммерлинг («Филология как враг лингвистики») опроверг тезис о том, что лингвистика – это часть филологии: «Лингвистика – наука об общих особенностях языка, реализуемых независимо от конкретного текста и его автора, филология – совокупность знаний о текстах». Ошибочный тезис поддерживается в том числе организационным фактором: в бюрократической схеме управления наукой лингвистические науки считаются подмножеством филологических.

«Непоследовательность традиции или капризы научной моды не повод отказываться от научной строгости. Современная лингвистика стремится размежеваться с филологией и с гуманитарным знанием вообще и использовать аппарат, сближающий ее с естественными и математическими науками».

Границы лингвистики там, где кончаются собственно языковые механизмы. Между лингвистикой и филологией существует промежуточная зона, которую можно назвать скрытой филологией и в которой часть ученых применяет часть аппарата современной лингвистики, комбинируя его с методами анализа текста. А все прикладные или теоретические задачи, связанные с рассмотрением конкретного текста как уникального объекта или части системы жанров, – это просто филология.

М.А. Кронгауз («Лингвистика: гордость и предубеждение») посвятил свое выступление месту лингвистики в иерархии гуманитарных наук и связанному с этим самоощущению лингвистов. В XX в. благодаря лингвистическому перевороту в философии, появлению

семиотики, структурной лингвистики, структурализма, широкому обсуждению в гуманитарном мире гипотезы лингвистической относительности лингвистика заняла лидирующие позиции среди гуманитарных наук.

«Московская структурная лингвистика, возникшая в СССР в 1950-е гг., четко размежевалась с филологией, поскольку оказалась связана с математикой. Благодаря этой связи лингвистике удалось слегка выползти из-под того идеологического колпака, под которым находились все гуманитарные науки. Когда я в 1970-е гг. пришел на ОТИПЛ (отделение теоретической и прикладной лингвистики), мое отношение к лингвистике можно было охарактеризовать словом «гордость».

Сегодня это ощущение почти ушло. Результаты благородных занятий лингвистов, например сохранение умирающих языков, не интересны обществу. Автоматический перевод, создание которого было одной из основных идей структурной лингвистики, сегодня основывается на идее статистики, частотности перевода слова в контексте из двух, трех и более слов, что оказывается более эффективным, чем использование модели «Смысл – Текст».

Разговор о междисциплинарности – это еще одна попытка поднять статус лингвистики. Однако я пока не вижу прорывного направления, как бы нам этого ни хотелось».

А.А. Кибрик («Мультиканальная лингвистика») познакомил слушателей с одним из расширенных лингвистики – мультиканальным подходом к изучению естественного дискурса.

«Обычным пользователям языка очевидно, что смысл можно передать не только словами, но и просодией и языком тела. Эта простая истина долго ускользала от лингвистов. Для изучения мультиканальности мы создали специальный компьютерный ресурс, имитирующий естественную коммуникацию».

Выяснилось, что естественный диалог не ограничивается чередованием реплик. Участник коммуникации может одновременно порождать в рамках одних каналов и быть адресатом в рамках других. Такие действия образуют сложную сеть, в которой есть возможность одновременной их передачи.

Обычно, когда занимаются изучением связи между речью и жестами, имеют в виду только вербальный компонент. Однако если учесть просодию, то сопоставление становится совершенно другим.

Коммуникативные каналы влияют друг на друга, и понять явления одного канала без учета других практически невозможно. Ну и,

конечно, ни о чем подобном даже нельзя начать задумываться, если волноваться по поводу границ лингвистики.

В.З. Демьянков («Ребята, это не языкознание. Это лингвистика») проанализировал историю термина «лингвистика», его понимание в обыденной и научной речи, а также соотносимость с термином «языкознание».

«В западных культурах именование человека, знающего языки и/или занимающегося ими профессионально (linguist, linguista и т.д.), родилось значительно раньше, чем название научной дисциплины. В русском языке, напротив, сначала появилось слово «лингвистика», а затем «лингвист». В нормативных словарях русского языка до сих пор рекомендуется употреблять прилагательное «лингвистический» как производное от «лингвистика» и бракуется употребление как синонима к «языковой».

К концу XIX в. во французских словарях у термина linguistique появляется значение 'наука, объектом которой является исследование language'. Именно language – единства языка как абстрактной системы и реализации этой системы, а не langue – системы языковых средств.

Когда стал популярен сосюровский лозунг: «Единственным объектом лингвистики является язык (langue), рассматриваемый в себе и для себя», значение термина «лингвистика» резко сузилось, вычеркнув всю «человеческую» составляющую.

В русском языке слова, обозначающие науку о языке, – лингвистика и языкознание – употребляются неодинаково. Сегодня предметом лингвистики является вся языковая деятельность, а не только набор морфем, слов и конструкций. А вот предметом языкознания все чаще признается именно langue. В частности, еще и поэтому можно говорить по-русски о когнитивной лингвистике, а не о когнитивном языкознании.

Пафос выступления **М.Л. Ковшовой («Наука о языке как часть всеобщей науки о человеке»)** составляла мысль о том, что лингвистика – это «наука о языке в человеке и о человеке в языке» (Ю.С. Степанов).

«Проблематика, которая раньше была на периферии (связь языка с мышлением, обществом, с тем, как человек усваивает язык), перешла в центр поля языкознания. «Другая» лингвистика ставит своей целью создание дисциплин, направленных на изучение языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия и сознания. Одной из таких дисциплин является лингвокультурология».

В условиях информационной научной парадигмы именно междисциплинарный анализ позволяет получить согласованное знание о разных кодах и информационных структурах. В информационном потоке человек обращается к тем знакам языка, которые конденсируют в себе важные в культуре ценностные установки. Лингвокультурологический анализ работает с разными уровнями культурного знания: мифологической картиной мира, архетипами культуры, религиозными, фольклорными и историческими слоями, используя при этом методы других наук.

Синтетические и комплексные дисциплины, формирующиеся в русле антропологической парадигмы, являются частью не только науки о языке, но и общей науки о человеке.

В.И. Постовалова («Теолингвистика как новая интегративная дисциплина в современном гуманитарном познании») поставила вопрос о необходимости выработки принципов проектирования интегративных дисциплин, особенно находящихся в начальной стадии своего формирования.

«Создание научной дисциплины начинается с определения универсальных объектов и задания предмета изучения. Последнее оказывается особенно сложным для интегративных наук, в мыслительном пространстве которых объединяются концептуальные представления из разных сфер познания. В концептуальное пространство теолингвистики должны войти только те теологические и лингвистические представления, которые являются релевантными для установления взаимосвязи языка и религии».

Необходимо установить эпистемиологический статус дисциплины: автономна она или входит в состав других дисциплин; является интегративной научной дисциплиной или коммуникативным пространством для общения представителей разных сфер познания. При проектировании теолингвистики дисциплина может представлять в более лингвотеологическом или более теолингвистическом виде. При втором подходе теолингвистика развивается как дисциплина, следующая всем законам научного менталитета, хотя в известной степени отягощенная теологическим коэффициентом.

В выступлении **В.И. Карасика («Лингвистика и социология: проблемы и перспективы»)** обсуждалось понятие социально-языковой идентичности и междисциплинарное значение социолингвистического подхода к языку.

«Социолингвистическое измерение языка может уточнять его лингвокультурологическое

измерение. Совокупность обиходных знаний о мире тесно связана с соответствующими нормами поведения, специфическими для той или иной группы людей в рамках определенного этноса. Иногда лингвокультурологи сравнивают несравнимые вещи, например, нормы поведения среднего класса английской или американской лингвокультуры и нормы поведения всего сообщества в России, которое не относится к среднему классу. Такие выводы нуждаются в коррективах».

На поведение наших современников существенно влияет проникновение в коммуникативную практику стереотипов, норм и концептов общения, характерных для американской лингвокультуры. Эти стереотипы вытесняют и модифицируют традиционные ценности в различных сообществах. Высокая степень состоятельности, связанная с доминирующим концептом «успех» в американской лингвокультуре, – самый заметный индикатор глобализации. Обратим внимание на тезис Далай-ламы: «Планете не нужно большое количество успешных людей – планета отчаянно нуждается в миротворцах, целителях, реставраторах, сказочниках и любящих всех видов». Социолингвистический подход, однако, позволяет увидеть здесь позицию говорящего, направленную на продвижение своей группы.

Доклад **Е.Л. Березович («Как поверить в кентавра? Проблема верификации результатов «стыковых» филологических исследований»)**, представленный в видеозаписи, касался проблемы псевдонаучности в лингвокультурологических исследованиях.

«Когда исследователь не может органично соединить лингвистическое и внелингвистическое знание, а внелингвистическое знание является отражением наивных стереотипов, получается «кентавр» – факт псевдонауки».

К «кентаврам» в работах по лингвокультурологии можно отнести: 1) непосредственное выведение свойств национального характера из языковых явлений; 2) признание исключительности русского языка в области выражения каких-либо идей; 3) подтягивание языкового материала под актуальные идеологемы; 4) резкое противопоставление «русского», которое, как правило, идеализируется, и «нерусского» и т.д.

Нередко в подобных штудиях провозглашается какая-нибудь дополнительная «кентаврская» наука: фелицитарная лингвистика (лингвистика счастья), интероцептивная (внутрителесная) лингвистика, синергетическая этнолингвистика, когнитивная лингвосинергетика и др.

Круглый стол

Подобных примеров в последнее время так много, что методологические основания лингвокультурологии должны быть нами еще раз хорошо отрефлексиованы.

М.А. Осадчий («Насколько судебная лингвистика – лингвистика?») осветил специфику деятельности судебного лингвиста и трудности, которые возникают при проведении судебной лингвистической экспертизы.

«Судебный лингвист руководствуется «Федеральным законом о государственной судебно-экспертной деятельности», в статье 8 которого сказано: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Но что значит «общепринятые данные»? Какие научные подходы и методы можно считать общепринятыми? Наша наука очень разнообразна».

Согласно статье 16, эксперт не вправе самостоятельно собирать материал для проведения судебной экспертизы. Недавний пример – дискуссия вокруг фразы из видео Егора Жукова, студента Вышки: «Нужно бороться с системой любыми методами». Одни эксперты говорили, что «любыми методами» – значит, и насильственными. Другие утверждали, что насилие не является обязательным компонентом семантики. В такой ситуации мог бы помочь опрос носителей языка, однако с точки зрения юриспруденции это является приобщением к делу третьих лиц, не имеющих правового статуса.

Проблемы возникают и с использованием выборки. Удалось отвоевать только корпус, так как в момент исследования он является стабильной совокупностью языковых фактов, и при повторении запроса результат будет таким же.

Судебной лингвистики в том виде, в котором она есть в России, вообще больше нигде не существует. В США и в Европе это в основном судебный перевод, фоноскопия и немного автороведение.

А.В. Кирилина («Описание лингвистического ландшафта города: лингвистика и «что-то еще» или новое понимание языка?») отметила, что для постнеклассической

эпистемы конца XX – начала XXI вв. характерно понимание языка как симптома нелингвистических вещей.

«Огромное количество разных лингвистик и -логий говорит лишь о том, что лингвистика со своим набором методов является вспомогательной для других дисциплин. Я это вижу по гендерной лингвистике: гендер не является лингвистической категорией, однако анализ языка позволяет узнать о нем много».

Примером может служить такая область, как описание лингвистического ландшафта. Лингвистика здесь играет вспомогательную роль, а термин «лингвистический ландшафт» понимается максимально широко. Это не только знаки языкового пространства, но и татуировки, шрифт, сочетание знаков и т.д.

Моя аспирантка пишет работу по детским товарам. Она нашла в лингвистическом ландшафте Москвы целую группу явлений, где русский язык вообще отсутствует. Все это имеет мало отношения к лингвистике как таковой, скорее, к вопросам языковой политики и изучению повседневной жизни людей.

Участники круглого стола подчеркивали значимость прошедшего обсуждения: несмотря на то, что «мероприятие в процессе организации мутировало из круглого стола в полноценную конференцию», удалось поговорить «без жестких академических ограничений» (М.А. Кронгауз); «мы наслаждаемся возможностью узнать многое о нашей науке, спрашивая не саму лингвистику, а друг друга» (В.З. Демьянков). Подводя итоги, Н.Г. Брагина поблагодарила всех участников за неформальную дискуссию: «Сегодня осуществилась ситуация множественности: каждый лингвист выбирал свою позицию и исходя из нее рассматривал предлагаемую для обсуждения тему. В результате мы получили много разных взглядов на лингвистику». ■

*Обзор подготовила А.Г. Жукова,
канд. филол. наук, доцент,
зав. кафедрой русской словесности
и межкультурной коммуникации
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина*